

Закон как историческая матрица и социополитический ресурс

**Андрей Валерьевич
СКОРОБОГАТОВ,**

профессор кафедры
теории государства
и права и публично-
правовых дисциплин

Казанского инновационного
университета имени

В. Г. Тимирязова, доктор
исторических наук, доцент

av.skorobogatov@mail.ru
420111, Россия, г. Казань,
ул. Московская, д. 42

Правовое наследие: природа и содержание

Аннотация. Статья посвящена философско-правовому исследованию категории «правовое наследие» как сложного многовекторного понятия. В качестве объектов правового наследия в статье выделены нормативный массив, юридическая практика, научные правовые концепции и неофициальные правовые тексты предшествующих периодов развития национальной правовой системы, сложившиеся исторически, прошедшие проверку временем и эксплицирующие отношение к социальному и официальному праву различных социальных групп и (или) общества в целом. Значение правового наследия в правовом бытии детерминировано его признаками: непрерывность, единство, нормативность, социальность. Основное внимание в статье уделено изучению конструирования и бытия правового наследия в коммуникативном измерении. На основе анализа онтологических, феноменологических и аксиологических аспектов этой категории сделан вывод, что правовое наследие выступает ценностным средством закрепления правовых знаний, эксплицирующих представления сообщества о правовых нормах и ценностях в пределах пространственно-временного континуума, которые прошли проверку практикой, показав свою эффективность в обеспечении правопорядка, и использование которых в правотворчестве и (или) правоприменении способно обеспечить гармонизацию современной правовой реальности.

Ключевые слова: правовое наследие, философско-правовая категория, правовая коммуникация, правовая реальность, постклассическая рациональность, правовые ценности, правовая традиция, правовое конструирование

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.112-120

Andrey V. SKOROBOGATOV,

*Professor, Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor
av.skorobogatov@mail.ru
42, ul. Moskovskaya, Kazan, Russia, 420111*

Law Heritage in the Communicative Dimension

Abstract. *The article is devoted to the philosophical and legal study of the category of “law heritage” as a complex multi-vector concept. The article highlights the normative array, legal practice, scientific legal concepts and unofficial law texts of previous periods of development of the national law system, which have developed historically and have passed the test of time and explicate the attitude to social and official law of various social groups and (or) society as a whole, as objects of law heritage. The significance of law heritage in law existence is determined by its features: continuity, unity, normativity, sociality. The main attention in the article is paid to the study of the construction and existence of law heritage in the communicative dimension. Based on the analysis of the ontological, phenomenological and axiological aspects of this category, it is concluded that law heritage acts as a value-based means of consolidating law knowledge, explicating the community’s ideas about law norms and values within the space-time continuum, which have been tested in practice, demonstrating their effectiveness in ensuring law and order, and the use of which in lawmaking and (or) law enforcement can ensure the harmonization of modern law reality.*

Keywords: *law heritage, philosophical and legal category, law communication, law reality, postclassical rationality, law values, law tradition, law construction*

Переход к эпохе постмодерна, для которой характерны релятивизм и стохастичность, ознаменовался кризисом идентичности во всех сферах жизни, в том числе и в правовом бытии. Разрушение привычных социальных норм и системы ценностных ориентаций привело к тому, что человек в значительной степени утрачивает целостность саморазвития и самовосприятия в определенном социокультурном пространстве.

Этот процесс затронул и Россию, где долгое время артикулировался отказ от традиций в пользу западных ценностей, которые объявлялись общемировыми. Ситуация еще больше обострилась в условиях виртуализации правового пространства, способствующего десоциализации человека и усиливающего расщепленность идентичности, которая не только ослабляет социокультурные связи, но и снижает ориентацию индивида на соблюдение внешних правил поведения. Усиливается горизонтальная и квазигоризонтальная правовая коммуникации, при которых человек все больше является (по крайней мере, в собственном правосознании) не только адресатом, но и адресантом правовой коммуникации

и одновременно может участвовать во множестве коммуникативных действий, зачастую не задумываясь о их содержании и ценностных основаниях. Это сопровождается разрывом в устоявшемся механизме преемственности, предполагающем, что утрата человеком одной идентичности должна компенсироваться другой. Конечным итогом реализации данной тенденции становится усиление правовой неопределенности и социальной конфликтогенности.

Осознание негативных последствий такой ситуации не только российским обществом, но и государством привело к усилению ценностных основ законодательства, начатому конституционной реформой 2020 г.¹, и способствовало расширению роли традиционных духовно-нравственных ценностей в функционировании социальной реальности и опоре на национальную правовую традицию, которая должна обеспечить преемственность в эволюции и функционировании правовой реальности². Это обуславливает необходимость исследования правового наследия, аккумулирующего правовую традицию и обеспечивающую преемственность в развитии правовой реальности.

Правовое наследие может рассматриваться как материально, так и процессуально. Материально правовое наследие представляет собой совокупность правовых и юридических явлений, состояний и отношений, эксплицирующих результаты эволюции правового бытия определенного социума, показавших свою жизнеспособность в пространственно-временном континууме и оказывающих (способных оказать) воздействие на развитие и функционирование правовой реальности, существующей в тех же цивилизационных координатах. Процессуально правовое наследие эксплицирует процесс передачи социального опыта от одного поколения к другому (асинхронной трансляции правовой информации в пространственно-временном континууме) и включает в себя различные аспекты динамики правового бытия в ретроспективном аспекте.

В данной статье мы сосредоточимся на материальном понимании правового наследия, рассмотрев его проявления онтологически, феноменологически и аксиологически.

Онтологически правовое наследие проявляется в нескольких формах, которые можно рассматривать в качестве его объектов³:

1. Нормативный массив (позитивное право) предшествующих периодов развития национальной правовой системы, включая как формы выражения права, так и опыт разработки, принятия, содержания и оформления официальных документов, признаваемых в качестве правовых в определенном пространственно-временном континууме. В первую очередь значение имеет изучение конституционных актов,

¹ *Бабурин С. Н.* Цивилизационные и геополитические основания продолжения конституционной реформы в Российской Федерации // *Правовая мысль.* 2021. № 1 (2). С. 16—21.

² *Рыбаков В. А.* Преемственность и рецепция — способы развития национального права // *Юридическая техника.* 2011. № 5. С. 19—25.

³ Такая трактовка объектов правового наследия позволяет рассматривать эту категорию существенно шире, чем это сделано в отечественной юридической науке (см., например: *Софронова С. А.* Объекты правового наследия и их значение в условиях развития современных правовых систем // *Вестник института: преступление, наказание, исправление.* 2008. № 2. С. 76—78).

которые, выступая «матрицей» правовой системы, детерминируют доктринальное и нормативное содержание историко-правовой реальности⁴ и определяют интенциональность обращения к правовому наследию.

2. Юридическая практика, отражающая опыт применения официального права, нашедший отражение в юридических текстах публичного и частного характера, эксплицирующих особенности эффективной правореализации в пределах пространственно-временного континуума.

3. Научные правовые концепции, сложившиеся исторически и прошедшие проверку временем, что позволяет их использовать для исследования не только историко-правовой реальности пространственно-временного континуума, связанного со временем их возникновения и бытования, но и современной правовой реальности; «мастера отечественной юриспруденции погружают нас в своих произведениях в особое состояние межвременного научного дискурса, поиска ответов на вечные вопросы человечества»⁵. Несмотря на их субъективное происхождение, в силу признания научным сообществом и (или) государством, данные концепции приобретают интерсубъективный характер и выступают как результат горизонтальной правовой коммуникации.

4. Неофициальные правовые тексты, эксплицирующие отношение к социальному и официальному праву различных социальных групп и (или) общества в целом, которые сформировались в пределах пространственно-временного континуума исторически, но продолжают функционировать до сегодняшнего дня, оказывая воздействие на правосознание, правовую идентификацию и ценностные ориентации субъектов права. Речь идет прежде всего о фольклоре, в котором правовые представления могут быть выражены как непосредственно в форме пословиц юридической направленности, так и опосредованно при изложении действий главного героя, которые, по мнению рассказчика, соответствуют требованиям социального права, господствующего в данном социуме. К этой группе объектов можно отнести литературный нарратив как совокупность художественных произведений, отражающих образы права и правовой реальности интеллектуальных акторов прошлого. Подобная экспликация возможна не только в вербальной, но и в невербальной форме. Хотя в последнем случае она носит больше символический характер, оказывая не только информационное, но и эмоциональное воздействие на сознание и поведение субъекта права⁶, интерпретация, детерминированная социально-правовой идентификацией, позволяет обеспечить необходимый характер восприятия не только аксиологически, но и онтологически. Артикулируемое при этом знание культурных кодов как символического выражения правового наследия позволяет

⁴ Подробнее об определяющей роли конституции в организации и функционировании правового массива см.: *Исаев И. А.* Основная норма («Скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 20—33.

⁵ *Румянцева В. Г.* «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 207.

⁶ Подробнее о воздействии изобразительного искусства на сознание и поведение индивида см.: *Mulcahy L.* Eyes of the Law: A Visual Turn in Socio-Legal Studies? // *Journal of Law and Society*. 2017. Vol. 44. P. S111—S128.

осуществить конкатенацию отдельных вербальных и невербальных объектов в единый интертекст права, определяющий ценностные ориентации и интенциональность правового поведения индивида в соответствии с его принадлежностью к определенному социуму.

В совокупности обозначенные формы правового наследия отражают содержание и направленность ретроспективных взаимодействий различных субъектов права и позволяют выявить устойчивость и универсальность правовых конструкций, определить интенциональность национальной правовой традиции и ее роль в обеспечении правопорядка и общественной безопасности.

Однако не все правовые явления прошлого могут быть наследуемы. Главным критерием выбора объекта правового наследия выступает образ эффективного функционирования правовой реальности при его реализации, эксплицированный в исторической памяти и отражающий интересубъективную сторону данной категории. Отличительными признаками наследуемых явлений выступают эффективность в правовом регулировании и потенциальная способность к воспроизводству, позволяющие потомкам при повторении действий предков получить аналогичный результат.

Трансляция правового наследия осуществляется благодаря социальному правовому опыту. Освоение правового наследия идет от изучения через рефлексию к формированию ценностных ориентаций, на основе которых конструируются нормы права. Трансляция правового наследия через социальный правовой опыт не полностью контролируется со стороны референтных групп. В связи с этим элементы правового наследия, глубоко интегрированные в правовую ментальность, а также устойчивые практики правового поведения могут вступать в противоречие с правовыми инновациями, прежде всего основанными на правовых заимствованиях в форме аккультурации и трансфера.

Феноменологически правовое наследие подразумевает систему правовых знаний и представлений, сохранившихся от предыдущих поколений и переданных в качестве образца поступательного развития и эффективного функционирования сообщества, в пространстве которого они были разработаны и действовали. Это некий след от правовой деятельности в разных формах, который оставляет как материальные, так и идеальные отпечатки. При трансляции правового наследия играют роль не только его содержание, но и ценностные ориентации адресата, детерминирующие особенности его интерпретации наследия и его возможность использования последнего для развития современной правовой реальности.

В отличие от историко-правовой реальности, правовое наследие не затрагивает абсолютно все компоненты действительности, а выражает лишь те из них, которые аккумулируют в себе предыдущий опыт правовой деятельности. Правовое наследие составляют знания о явлениях, входящих в правовую реальность, которые касаются предыдущего правового опыта и которые либо актуализированы в настоящее время и определенным образом используются для конструирования правовой реальности, либо остаются в качестве устаревших, не актуализированных, использование которых нецелесообразно. Однако на определенном этапе социального развития неактуализированное знание может быть принято во внимание в связи с изменившимися условиями, и тогда оно перейдет в сферу актуализированного наследия.

Субъектный состав правового наследия имеет существенную специфику по отношению к иным формам правовой коммуникации. Поскольку речь идет о взаимодействии асинхронных систем, одна из которых функционирует лишь благодаря аксиологической экспликации, адресантом будет выступать субъект правовой коммуникации, существующий ранее во времени, его можно обозначить в качестве предка. Адресатом является субъект, существующий во времени позже и обозначаемый термином потомок. Наряду с государством и обществом, в качестве таковых могут выступать отдельные социальные группы и индивиды. Применительно к последним речь может идти об освоении как позитивного права, так и неофициального. В отличие от синхронной правовой коммуникации, в которой критерием отнесения субъекта к адресанту является степень его активности, при обращении к правовому наследию адресат не является лишь пассивным потребителем правовой информации. Правовая коммуникация приобретает более сложный субъектный состав: с одной стороны, адресантом выступает предок, а адресатом — потомок, с другой — среди потомков можно выделить тех, кто осуществляет выбор наследуемого объекта, которых можно обозначить в качестве адресантов второго уровня.

В силу особенностей традиционного правового мышления восприятие поведения предка потомком осуществляется деонтически и не критично и рассматривается в качестве эталона правового поведения, направленного на поддержание бесконфликтного сосуществования в сообществе. Это позволяет рассматривать правовое наследие конструктивистски: выбор объекта и содержание коммуникативного акта будет определяться адресантом второго уровня⁷, который интерпретирует правовое бытие предшествующих периодов, исходя из собственных ценностных ориентаций и представлений о значении отдельных явлений для поступательного развития и эффективного функционирования правовой реальности в современном для него пространственно-временном континууме и создавая на его базе новые нормы права ретроспективной интенциональности.

Роль правового наследия в развитии правовой реальности раскрывается в его функциях, среди которых можно выделить: *информационную* (отбор, сохранение и вербализация правовых знаний прошлого), *коммуникативную* (асинхронная передача правовой информации), *аккумулирующую* (накопление правовых знаний, показавших свою эффективность и потенциально пригодных для использования), *ценностно-нормативную* (формирование деонтического отношения к социальному правовому опыту), *психологическую* (мнемоническое правовое воздействие на сознание и поведение человека с целью формирования ценностных установок) и *конституирующую* (формирование установки на использование правового опыта в совершенствовании правовой реальности).

Аксиологически правовое наследие предстает как система накопленных предыдущими поколениями правовых ценностей, т.е. универсальных представлений о необходимых максимумах правовой реальности, инкорпорируемых в правовые тексты, практику, научные труды. В этом смысле формой выражения правового наследия будет историческая память социума, сохранившая те ценностные

⁷ Konsa K. Heritage as a Socio-Cultural Construct: Problems of Definition // Baltic Journal of Art History. 2013. Vol. 6. P. 147.

представления, которые прошли проверку временем, показав свою эффективность для развития и функционирования сообщества и коммуникативного взаимодействия его членов в пределах пространственно-временного континуума⁸. Это позволяет интерпретировать правовое наследие как специфический культурный код, эксплицирующий национальный образ права. Учет правового наследия в законодательстве позволяет не только гармонизировать правовую реальность, но и придать ей целенаправленность и высокую степень соответствия интересам общества и человека.

Правовое наследие может быть представлено как индивидуально, так и социально. В первом случае формой его бытия выступают отдельные правовые тексты, в том числе носящие персонифицированный характер, например труды отдельных ученых или литературные произведения. Во втором случае речь идет о правовых нормах и ценностях, которые сформировались в процессе горизонтальной правовой коммуникации в пределах конкретного сообщества и представляют собой конвенциональный результат рефлексии правовой реальности. Ядром социального правового наследия является правовая традиция, которая продуцирует его ценностные доминанты и эксплицирует необходимость сохранения правового прошлого и его воспроизводства. К периферии правового наследия можно отнести повседневные правовые практики, отражающие обыденное отношение к правовой реальности.

Правовое наследие обладает рядом признаков, определяющих его философско-правовую природу:

- *непрерывность* — сочетание устойчивости правового наследия с его развитием в социальной реальности, отражающее его ретроспективную интерпретацию при формировании ценностных установок индивидуального и коллективного правосознания. Правовое наследие при этом отражает преемственность в развитии и функционировании социума, деонтическое обращение к социальному правовому опыту как методологической основе инноваций;
- *единство*. Воздействие правового наследия на сознание и реальное поведение имеет комплексный характер. С одной стороны, влияние оказывают не отдельные элементы, а правовая традиция как ядро правового наследия в целом. С другой стороны, правовое наследие оказывает воздействие не на отдельные элементы сознания и поведения индивида, а формирует общие ценностные установки на совершение действий, обеспечивающих социальную идентификацию индивида и воспроизводство сообщества;
- *нормативность*. Правовое наследие обладает предписывающей силой, детерминирующей особенности ценностных установок и реального правового поведения человека. При этом большую роль играют языковые средства выражения наследия, которые не только определяют пространство его интерпретативности, но и выражают степень его императивности. Язык можно рассматривать в качестве не только инструмента передачи правового наследия, но и специфического культурного кода, эксплицирующего правовую

⁸ *Clippele M. S. de. Does the Law Determine What Heritage to Remember? // International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique. 2021. Vol. 34. P. 623—656.*

рефлексию в пределах правовой цивилизации. При создании норм права наследие выступает выражением тех правовых ценностей, которые сформировало общество в предыдущие периоды. Фиксация в правовом наследии не только нормативного, но и ценностного компонента выступает важнейшим показателем эффективности правового воздействия на сознание и поведение субъекта. Больше внимания при этом уделяется не принуждению, а правовой социализации, формированию установки на социально активное правовое поведение, которое выступает одновременно как идеальная цель и экспликация правового наследия. Это предполагает необходимость обращения: к правовому наследию в процессе правотворчества не столько в онтологическом, сколько в аксиологическом контексте. При учете этого фактора государством существует возможность сконструировать юридическую норму, реализация которой будет базироваться на внутреннем убеждении граждан в ее справедливости, необходимости и ориентации на удовлетворение не только социальных, но и индивидуальных интересов;

- *социальность*. Правовое наследие выступает конвенциональным результатом социального взаимодействия и является средством легитимации позитивного права, особенно в транзитивных обществах. Учет правового наследия в правотворчестве и правоприменении обеспечивает адресанту коммуникации, что адресат, отождествляя себя с социумом, одновременно будет идентифицировать себя с государством. Опора на правовое наследие обеспечивает позитивному праву не только легальность, но и легитимность.

Правовое наследие обладает категориальным статусом, выражая ретроспективную интенциональность правового развития и определяя его непрерывность. Наследие выступает средством закрепления, трансляции и репрезентации правовых знаний, эксплицирующих представления сообщества о правовых нормах и ценностях в пределах пространственно-временного континуума, которые прошли проверку практикой, показав свою эффективность в обеспечении правопорядка, и использование которых в правотворчестве и (или) правоприменении способно обеспечить гармонизацию современной правовой реальности. Как методологическое основание правовой эволюции оно обеспечивает ценностное единство прошлого и настоящего в развитии локальной цивилизации и гарантирует стабильность, эффективность и безопасность социальных взаимодействий. Особенно актуальна проблема правового наследия для транзитивных обществ, к которым можно отнести и Россию. Опора на правовую традицию как ядро правового наследия позволяет преодолеть транзитивность и перейти к стабильно функционирующей правовой системе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бабурин С. Н.* Цивилизационные и геополитические основания продолжения конституционной реформы в Российской Федерации // Правовая мысль. — 2021. — № 1 (2). — С. 16—21.
2. *Исаев И. А.* Основная норма («Скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20—33.

3. *Румянцева В. Г.* «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6. — С. 207—209.
4. *Рыбаков В. А.* Преемственность и рецепция — способы развития национального права // Юридическая техника. — 2011. — № 5. — С. 19—25.
5. *Софронова С. А.* Объекты правового наследия и их значение в условиях развития современных правовых систем // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2008. — № 2. — С. 76—78.
6. *Clippele M. S. de.* Does the Law Determine What Heritage to Remember? // International Journal for the Semiotics of Law — Revue internationale de Sémiotique juridique. — 2021. — Vol. 34. — P. 623—656.
7. *Konsa K.* Heritage as a Socio-Cultural Construct: Problems of Definition // Baltic Journal of Art History. — 2013. — Vol. 6. — P. 123—149.
8. *Mulcahy L.* Eyes of the Law: A Visual Turn in Socio-Legal Studies? // Journal of Law and Society. — 2017. — Vol. 44. — P. S111—S128.